

ИМЕНА

Отношение к ней любого зрителя всегда граничит с крайностью: либо обожание, либо такое же категоричное неприятие. Она восхищает и шокирует, пленяет и раздражает, кажется утонченной и манерной. Причина? Наталья Тенякова — не одна из... Она — одна. А это, признайтесь, большая редкость.

Актриса не для всех

Странные модуляции ее хрипловатого голоса и причудливость интонаций, изломанность жестов и прихотливость позы узнаваемы и непредсказуемы. Ибо всегда принадлежат не только ей, актрисе, но и тем женщинам, растворившись в которых, она выходит на сцену. Вернее, не женщинам, а Женщине, сотканной из неповторимой индивидуальности актрисы и примет времени. Слово продав душу Богу Искусства, эта Женщина вновь и вновь возникает из небытия то в далекой мольеровской Франции, то в суровой Скандинавии, то в чеховской России. И торопясь сказать и сделать то, что не успела в прежней жизни, вновь бросается в водоворот страсти и игры, любви и разочарований, прозрений и ошибок.

Ее Женщина — дитя театра, рожденная под сенью кулис и уходящая в их сумрачную тишину. Как и Тенякова — человек театра. И не только потому, что театр она явно предпочитает, например, кино. Она театральна прежде всего в том, сегодня почти забытом смысле этого слова, когда театр являл нам на своих подмостках нечто совершенно иное, чем повседневная будничность с ее набившими оскомину интонациями и манерой поведения. Тенякова никогда не копирует жизнь, она ее творит, повинаясь иным законам. В ее театре все заострено, подчеркнуто, приподнято, но не надуманно; реально, но не натуралистично. Она избегает быта, не рождает бытие. Да, звучит громко, но это действительно так. И только тот, кто сможет принять эти правила игры, поймет и примет Тенякову. Для других есть другие актрисы. Каждому — свое.

Теняковой удалось миновать изнурительный и долгий путь к признанию, порой растягивающийся на годы. Она избегала тоскливого мелькания в массовках и сакраментального «кушайте подано». Она как-то сразу «попала в обойму», едва лишь вышла в 1965 году из стен ЛГИТМИКа на сцену Ленинградского театра имени Ленинского комсомола в роли Полли Пичем в «Трехгрошовом опере» Б. Брехта. А затем в ее «послужном списке» замелькали едва ли не ежегодные награды и премии, полученные на различных смотрах и конкурсах театральной молодежи.

В 1968 году Тенякову позвали в БДТ — театр, гремевший тогда на весь Союз. Она успела сыграть Аглаю в легендарном восточном спектакле «Идиоты» с И. Смоктуновским. Потом были Клея в «Лисе и винограде», Юлия в «Дачниках», Марья Антоновна в «Ревизоре», Вера в «Трех мешках сорной пшеницы». Работала много — остро, ярко, памятно. «Звездой», впрочем, не стала. Да тогда у нас и не было принято делать «звезд». Мы были странной коллективом.

В мире театра все дороги ведут в Москву. Сколько уникальных дарований подарил ей только один БДТ — И. Смоктуновский, О. Борисов, Т. Дороница. В самом конце семидесятых она встретила С. Юрского и Н. Тенякову. Москва умеет собирать таланты. Она же, как никто, способна их разбазаривать. Можно, правда, повторить за шипящей фамусовской толпой: «Москва, вишь, виновата...». Можно сказать и по-другому: кому много дано, с того много и спросится.

В Москве, в Театре имени Моссовета Теняковой пришлось на ходу «впрыгивать» в уже идущие спектакли: «Версия» (Любовь Дмитриевна Блок), «Тема с вариациями» (Любовь Сергеевна), «Братья Карамазовы» (Грушенька), по повеле приспосабливаясь к чужому рисунку роли. Тенякова же была прежде всего самостоятельна. И спектакли менялись, не могли не меняться. Актриса была способна на большее. Но много ли ставили «на нее»? Конечно, она получала роли — и главные (Фрося в «Печке на колесе», Гедда Габлер в одноименном спектакле), и заметные (Пань-

ка во «Вдовьем пароходе», Поликсена в «Правда — хорошо, а счастье лучше», Софья Андреевна в «Если буду жив»). Но это все же не одно и то же. Ведь Тенякова рождена быть актрисой солирующей. Хочется ей того или нет, но она неизменно оказывается в центре внимания, едва появившись на сцене. Она может быть окружена «звездами», может не произносить ни единого слова или находиться в дальнем уголке сцены, но все равно ее непостижимая энергия властно забирает в плен.

Помню, как давно, лет десять назад, я внезапно «открыла» ее для себя — одним словом, одной интонацией Гедды Габлер. Среди суетно-мельтешащего мертвого мира обитателей спектакля (и превосходных актеров — С. Юрского, Г. Бортнিকова), у полуоткрытого окна — одинокая фигура женщины, застывшая в своей отрешенности, с каким-то «потусторонним» взглядом поверх всего. «Что ты там делаешь, Гедда?» — «Стою...». Всего лишь слово, сказанное спокойно и просто, почти без эмоций. Но за ним вдруг открылась такая бездна одиночества, нерастрасченных чувств, безумной тоски странной птицы, наглухо запертой в клетке. И все вокруг словно бы перевернулось — куда-то исчезла хрестоматийно знакомая история о «роковой» женщине, о порочности ее страстей, давно проанализированная всяческими «ведами». Осталось только отчаянное сопереживание ей — Гедде — Теняковой, такой красивой, такой странной и такой одинокой. Вот так... Прошло много лет, а слово это звучит в памяти, как будто минуту назад все было.

Парадоксы актрисы... Увидев ее в «Гедде Габлер», кажется, что она уже не может быть иной. Пусть меняются пьесы, роли, но в них скажется все та же утонченность, капризная грация, аристократизм. Но буквально на следующий день — другой спектакль, «Орнифль, или Сквозной ветерок» Ж. Ануя. Тенякова — мадмуазель Сюпо. Бог мой, да это и не женщина вовсе, а какое-то недоразумение — помесь «синего чулка» с неимоверно «гадким утенком». Нелепая походка, безвкусные одеяния, скрипящий голос... Комедия, да и только. Тенякова не боится быть смешной и некрасивой, более того, она эту нелепость доводит почти до абсурда. Но... в каждом спектакле у нее есть свое «но», которое не допускает бесчувственной пародийности, голого шаржа. И тогда окажется, что у чудачки Сюпо, отчаянно решившейся обольстить боготворимого шефа, — глаза той самой Женщины. Раздевшись и завернувшись в простыню, нацепив на голову кокетливый (как ей кажется) зеленый бант, и одновременно осознав всю безнадежность своих запоздалых попыток, она словно бы просыпается от долгой и странной спячки. Тоска и одиночество Женщины рвутся наружу, перекрывая гротеск и комедийность. Смешно и больно, забавно и трогательно...

Появление Теняковой во МХАТе имени А. П. Чехова прозвучало как еще один парадокс ее театральной судьбы. Совершенно «немхатовская» по своей природе актриса-солистка, всегда стоящая особняком, становится ведущей в этом самом «ансамблевом» нашем театре. Легко ли ей здесь и легко ли с ней — об этом судить актрисе и людям, ее окружающим. Неизменно одно — она способна оживить самую мертвую сцену любого спектакля (а такое, к сожалению, встречается и во МХАТе).

Ее Мадлена Бежар в булгаковской «Кабале саватош» взрывала, зажигала, переторачивала размеренное течение спектакля. Вихрем, смерчем пронеслась она по сцене, в своем горящем алом платье, вся — огонь, вся — страсть. Тенякову не заботит правдоподобие показа этой страсти, ее условные границы и пределы. Только — свобода, только — сиюминутный порыв, только —

полнейшая откровенность и открытость. Кому-то это казалось чрезмерным, кто-то верил до конца.

А потом была Раневская — неожиданная и на редкость нехрестоматийная. Помолодев лет на двадцать по сравнению со штампами этого образа, с модной стрижкой и в изящных туалетах, она своим появлением рождала атмосферу не реальной России начала века, а какой-то неведомой страны-грезы, страны-мечты, быть может, никогда и не существовавшей в действительности, но которую так больно, так горько терять.

Пусть меня в очередной раз обвинят в недостатке хорошего вкуса, но я безумно люблю ефремовский «Вишневый сад», отвергнутый большинством критиков. Люблю его красивую сентиментальность, щемящую ностальгию, его тонкость и ироничность, его глубину, которая открывается не сразу. Тенякова царит в этом спектакле. Более того, без нее этого «Вишнего сада» не могло случиться. Был бы другой — лучше или хуже. Такого — не было. Она играет «без «концепций», не педалируя никаких идей, не обвиняя, не защищая никого. Она — Женщина, стоящая у черты, которой некому помочь. Она вынуждена быть сильной в своем одиночестве, иначе не вынести. Никогда еще Тенякова так не «жила» на сцене, никогда не выплескивала такой ураган чувств в молчании и кажущемся бездействии. В хмельном угаре последнего бала, сотрясаемом лопахинским «разгулом», в дальнем углу комнаты медленно оседает на пол женщина, у которой только что отняли жизнь. «Продан вишневый сад?» — «Продан...». И рука пока еще неосознанно потянется к клочкам разорванной телеграммы из Парижа, разлетевшимся по комнате. Надо жить... И вдруг ловишь себя на мысли: а ведь этого никто не видит. Все внимание зрителей — на Лопахине, на его громком торжестве, а не на потерянной женщине с остановившимся взглядом, которая медленно собирает белые лепестки, пытаясь сложить из них спасительную «соломинку». А Тенякова играет так, будто только на нее направлен сейчас весь свет прожекторов.

А как она уходила... Не из дома, не из имени — из этой жизни, из этой эпохи, из этой страны-грезы. Своей рукой, резко и безнадежно она опрокидывала одиноко уцелевшую колонку — остров прошлого, и уходила не оглядываясь на звук ее падения, с гордо поднятой головой, без единой слезинки. Глаза же дружно утирали зрители.

Со стороны Наталья Тенякова может показаться вполне благополучной актрисой — на нее ходят, ей дарят цветы и провожают аплодисментами. У нее сложился на редкость удачный дуэт в жизни и в искусстве с Сергеем Юрским, который, наверное, как никто, понимает уникальность ее таланта, помогая ему раскрыться. Проще говоря, дает актрисе работать. Но несмотря на кажущееся благополучие, почему-то не дает покоя мысль о том, как мало, как непостижимо мало ей удается реализовать из того, что даровано Богом. Ведь из Теняковой даже не надо «делать» «звезду», она ею родилась. Нужно просто понять, что есть созвездия, а есть одинокие звезды, свет которых не менее яркое. А иногда подумается — а ведь какой у них мог быть театр, свой театр. Театр Мастера и его Актрисы. За примерами в России далеко ходить не надо. Тенякова заслужила такой театр, Юрский заслужил право на его создание.

Ну, а пока изо дня в день на сцену выходит Женщина, несущая тайну — свою и актрисы. Пусть век ее короток, но она возродится вновь и вновь — в другой эпохе, в другой жизни. Женщина не для всех. Избранница...

Ирина АЛПАТОВА.